

Ольга Тимошина

Одна французская зима, которая ничего не изменила

Аннотация

Для Алены жизнь — огромный каталог, из которого можно выбрать тот путь, который подойдет именно тебе. А если вдруг ошибешься, то всегда можно открыть этот каталог и опять заказать новую жизнь.

Решив однажды поменять свой заказ, Алена без страха и тяжелых раздумий покинула насиженное место в мрачной и серой Москве. Она сделала заказ — и вот она на борту самолета, направляющегося на Бали, а впереди — манящая неизвестность, и непременно — Счастье.

Найдет ли Алиса то, за чем готова лететь на край света? И так ли легко на самом деле поменять свою судьбу?

«Одна французская зима, которая ничего не изменила» — рассказ Ольги Тимошиной из цикла женской сентиментальной прозы, написанной о земных женщинах, самозабвенно ищущих свое счастье. И так хочется верить, что непременно победит любовь...

Ольга Тимошина

Одна французская зима, которая ничего не изменила

Самолет был битком. Впереди салона орала дети. В хвосте неопрятного вида мужчины громко приставали к двум пьяным девушкам, а те в свою очередь, довольные и покрасневшие от смеха над безвкусными шуточками, хохотали, жеманно похрюкивая в заходящихся вульгарных звуках.

По «счастливой случайности» Алену посадили в центре экономического класса. Где-то посередине между младенцами и переросшими особями. Одни из них едва держались на ногах после нескольких бутылок виски, другие же ползали или елозили по головам других пассажиров, по причине своей природной младенческой незрелости. Уже который час она пыталась заснуть.

И это называется кризис. Билетов нет, цены взвинчены до небес, повсюду какие-то листы ожидания и брони. Свою, как ей казалось никому ненужную квартиру, она умудрилась выгодно сдать всего за три дня, и получив предоплату за пол года вперед, рванула на Бали. Похоже, что кризис был только у нее: с работы уволили, Денис, с которым они прожили целый год, ушел сам, забрав с собой телевизор, подруга обзвала ее слабачкой бегущей от трудностей, а родители, узнав об ее отъезде, вообще перестали с ней разговаривать. Жизнь у Алены была бурная, интенсивная и совершенно не определенная, а как любая быстрая жизнь, она нуждается в тишине и спокойствии. Вот и настал ее черед сбежать, скрыться, раствориться на каком-нибудь острове, пусть даже на другом конце планеты, или еще дальше. Но теперь она слушала свое сердце, это было настойчивое биение, говорящее ей о том, что то время перемен пришло, а время непостоянства, которое впрочем было в ее жизни всегда, подтверждало и толкало ее на эти перемены.

«Ну и ладно, без вас проживу», — бурчала Алена себе под нос, кидая в чемодан разноцветные купальники. «На Бали то, что надо?: плавки, очки и книга. А как дальше — потом видно будет».

Стюардесса, с натянутой фальшивой улыбкой бухнула на столик что-то темно коричневое, вонючее, испускающее клубы дыма, вылезавшее за край кипящей пластиковой коробки.

— Я это есть не буду, — с отвращением поежилась Алена.

— Тогда давайте, я съем, а то еще лететь и лететь, — с удовольствием подхватила ее

поднос соседка, чье тело едва втискивалась в крохотные сиденья эконом класса. Аленку передернуло от расплывающегося по салону запаха поросычьей еды.

— Мне водички, девушка, пожалуйста, — попросила она умоляюще у властной стюардессы.

— Сейчас принесу, — ответила та Алене уже в четвертый раз, удаляясь в мистический уголок за занавеской, куда почему-то бесследно исчезали все члены экипажа.

«Ну и черт с ней, — пожалела Алена, несчастную девушку в униформе. Ей всю оставшуюся жизнь это нюхать и потом грязь убирать, а я через несколько часов залягу под пальмой». Она попыталась вытянуть ноги и представить себя на пляже. Сзади грозно постучали в спинку кресла:

— Эй, Мадам, нельзя ли «поаккуратнее»?

— Извините, — ответила она, а сама подумала: ««Мадамы» в отстойном классе не летают», — бросив тоскливый взгляд на шторы первого салона.

Как-то раз, в аэропорту Цюриха, она увидела смешную рекламу. На ветке эвкалипта плотно, плотно, прижавшись, друг к другу, сидели пять медвежат коал. Они буквально висели на спине друг у друга, уперев свои приплющенные носы в затылок предыдущей зверюшке. А внизу подпись: «Синдром экономического класса». Алена остановилась у плаката и долго смеялась, только теперь ей было совсем не весело. Вокруг нее сидели не милые мишки, а какие-то монстры, поедающие ужасную, дешевую еду, чавкая, нахваливая и запивая все это вонючим самолетным вином и пивом. Потом все это стадо создаст бесконечную пробку в туалеты, потому как переварить сей продукт не представляется возможным, и после, успокоившись, с чувством не зря потраченных денег за билет, все это захрапит на все голоса, раскидав руки и ноги по всему свободному пространству салона.

«Ничего, ничего, — успокаивала себя Алена — спокойствие, ...зато потом: океан, солнце, голубое небо».

Через десять часов самолет, наконец, приземлился в аэропорту Денпасара.

— Местное время десять часов вечера, температура воздуха 35 градусов... — гремел уставший голос пилота из фoniaщих динамиков старого Боинга.

«Океан, солнце, голубое небо», — из последних сил, как заклинание шептала Алена себе под нос, пытаясь подняться на парализованные ноги.

На таможне «приветливые» балийцы перетрясли все трусики в ее чемодане, и ничего не найдя, под смех всей смены выставили уничтоженную Алену на улицу.

С черного как уголь неба лил проливной дождь. От самолетного кресла все тело болело и хрустело, желудок скрутился от голода, а кожа трещала по швам от сухости. «Океан, солнце, голубое небо», — повторила Алена, садясь в такси. Капли теплого дождя скатывались по щекам и падали прямо в рот. В полночь стояла жара и благодать, тело покрылось капельками пота, и казалось, что согрелась и расслабилась даже душа. Алена сидела в машине и тихонько мурлыкала... от счастья. Неожиданно для себя самой жизнь показалась ей прекрасна. Побег, бунтарство, движение против толпы всегда забавляло ее, и удовольствие возрастало в сто раз, когда уже было реализовано. Ведь как бывает: идешь к мечте, ждешь ее, достигаешь... и все. Перегорело. А у Алены все было наоборот. Достигаешь мечты: значит достигаешь вершины мира, гордость за выполненное переполняет и щекочет нервы, радость, блаженство, победа, обуздать не возможно.

«Я добралась, сбежала! я на Бали» — кричало ее эго — и счастье момента росло и множилось с каждой секундой пребывания.

Усталость проходила, мирно гудел двигатель такси, теплый ветер врывается внутрь машины, донося до Алены капли дождя. Она прислонилась спиной к кожаному сиденью, вздохнула, потянулась. Ей безумно повезло. Она была полной мисс Независимостью, потому нигде не приживалась надолго и не обзаводилась прочными связями. «То, что должно было случиться, случится» — рассуждала Алена. А то. Что уже случилось, можно исправить. Ну, или по крайней мере попробовать. В сущности, она не пыталась играть в прятки с жизнью, требовала, но и выполняла, хотела, но и давала, была улыбчивой, местами резковатой,

местами мямлей, злилась и прощала. Одним словом была самой собой, ни под кого не подстраивалась, потому чаще всего была одна. Таких не любят. Они личности, а значит, они не нужны.

Еще в Москве, на прощальной вечеринке, она наслушалась много страшных и ужасных историй об обмане туристов. Ее пугали похищением, воровством, отравлением и даже терроризмом. Но Алена то, понимала, что на самом деле это была просто зависть. Она бросает грязный, наглый и безликий город. А они остаются в нем... никому, ни в какую эпоху, никогда не нравились свободные люди, лишь по одной причине: ими невозможно управлять. Потому всегда бок о бок с чьей-то свободой стояла чья-то ревность.

Прекрасной Балийской ночью, после нескольких часов ада в летящей по небу железной банке, она вытянув усталые ноги, распласталась на заднем сидении такси, впиваясь глазами в пролетающие мимо тусклые пейзажи и тени такого нового и загадочного для нее места. Утопая в мечтах, окрыленная победой прибытия, основываясь только на собственной интуиции, ее лицо было безмятежно красивым и спокойным. Вопреки всем рассказам, таксист оказался на удивление порядочным и веселым человеком. Всю дорогу он без умолку болтал на смеси нескольких языков, смеялся, задавал ей вопросы и сам же на них отвечал. Он отвез ее в лагерь на берегу океана, где проживали молодые и красивые ребята с бешеным запасом энергии и оптимизма.

Она так устала от безумного перелета, что просто рухнула в кровать, не замечая ни бриза, ни звезд, ни привлекательных серферов бродящих по лагерю с обнаженными торсами. Это состояние свободы и начала новой жизни, сама мысль, что все, что происходит с ней не прочно, и может по ее собственному желанию повернуться в любую сторону, все это сопровождалось чувством ожидания чего-то необыкновенного и радостного. Алена доползла до кровати и, успев прокрутить в голове лишь мысль о том, как же тепло и хорошо, немедленно провалилась в сон с полетами по бесконечным коридорам и встречами с какими-то неизвестными ей людьми, включая таксиста и девушек с последнего ряда самолета.

Проснулась она, разбуженная грохотом волн. Алена вышла на террасу и ахнула. Прямо под ее ногами бился о берег океан. В рассветном свете он был величественным, прекрасным, мирным. Она вдруг горько пожалела, что прожила свою жизнь до этого момента без него. Она с удовольствием протянула мысль о том как это океан станет ее домом, как она, возможно, покорит его, а он полюбит ее. Сама того не заметив, Алена оказалась на пляже. Справа в белой дымке, едва различимые в предрассветном небе, стояли два вулкана. В заливе слева, к берегу шла целая армия разноцветных лодок. Все они были таких необычных для рыбацких посудин цветов, что Алена залюбовалась. Розовые, фисташковые, бирюзовые, по цыплячьи желтые и ярко оранжевые. Вдруг среди них появился лидер, большая красная лодка вышла вперед, оставляя за собой волну, на большой скорости врезалась в берег. Точно как на пит стопе Формулы-1, к ней подбежали босоногие маленькие мужчины, и подняв ее на колеса, на большой скорости завезли в соломенный амбар. Началась разгрузка добычи, пойманной за ночь. Со дна поднимались тюки и ящики с рыбой, лобстерами и крабами.

Алена поняла, как же она проголодалась. Она ликовала, разбрасывая свой взгляд во все стороны, разрываясь от желания завтракать, купаться, бежать босиком по кромке волны, или просто кричать от счастья. По берегу неспешно прогуливались расслабленные туристы, наслаждаясь видом восходящего солнца и цветом бирюзового океана. Она представила себе ее пробуждение в центре Москвы: темный мрачный двор, никогда не видящий солнца, старые сухие деревья, разрушенная детская площадка и бесконечное количество припаркованных, где попало грязных машин, с орущими на все лады сигнализациями, угрожающим криканьем, пищанием и воем. Это хозяйство, в виде 2-х комнатной квартиры, стоило ей целого состояния и годы тяжелой работы в серых, мрачных офисах, где единственным проявлением жизни была заставка картинки моря на ее компьютере. От мысли о доме ее передернуло.

Алена спустилась по деревянной лестнице и заказала в кафе на пляже тарелку с

фруктами и булки. В ожидании она рассматривала свой ночлег. Это было странное сооружение, совершенно непонятно каким образом, державшееся на месте. Гостиница представляла из себя что-то среднее между теремком и муравейником. Одна комната располагалась над другой, соединяясь между собой хлипкими деревянными мостками. Самым роскошный здесь был номер с вентилятором и ванной. В остальных же номерах постоялец должен был быть рад факту наличия двери вместо занавески. Несмотря на всю простоту, сооружение выглядело великолепно. На перилах террас колыхались пестрые купальники, полотенца и майки. Откуда-то лилась спокойная и красивая музыка. Все это место было окутано неповторимой атмосферой свободы и романтизма. Так что, в общем, дом походил на огромную рождественскую елку.

— А где же все? — спросила она у официанта.

— Так ведь 7 утра. Прилив..., — ответил он.

Оказалось, что серферы живут по расписанию, продиктованному природой. Прилив загоняет их в море, в ожидании длинной, непрерывной волны. К полудню они стекаются в лагерь: отдыхают, готовят еду, общаются и вечером вновь уходят в океан в надежде покорить его, полюбоваться закатом, найти свой Green Flash или просто ничего не делать свесив ноги с доски в воду.

«Да, мне это нравится», — подумала Алена. Она поглощала свежайшие фрукты, обливаясь их соком, и любовалась, поднимающимся из-за горизонта, солнцем.

План ее был прост: найти пристанище, познакомиться с людьми, заняться каким-то спортом, благо выбор был огромен от бега по пляжу и йоги, до погружения с аквалангом и спуска по горной реке. Ну и в конце концов, может, следовало подыскать подходящую работу. Хотя это точно может подождать...

Несмотря на то, что денег у нее с собой было более чем предостаточно, и при желании, можно было устроиться в хорошем отеле, она все же хотела познать страну не по туристическим путеводителям. И ничего лучше, чем влиться в народ, погрузиться в атмосферу местной жизни, с ее реальными проблемами и радостями, путем поселения в пристанище странствующих в поисках волн людей, она не придумала. Алена верила, что жизнь сама подскажет и выведет ее на правильный путь, где, в конце-концов, она сможет обрести гармонию, спокойствие, а может даже и встретить свою любовь?

Любовь... Вот ведь какой оказался ее Денис... Прожили вместе целый год, была и страсть, и чувства, а как начались проблемы с работой и квартирой, так он и пропал. Сначала выдумывал дело какое то, потом просто не пришел, и в конце концов, пока ее не было дома, перетащил свои вещи в неизвестном направлении. И было ужасно обидно, что дарила себя, что шептала... А Алена даже и искать не стала. Черт с ним. Значит не ее было.

Сидя на теплом белом песке, она не могла злиться. И в самом деле не верилось, что в тысячах километров отсюда осталась ее старая пустая жизнь. Пляж из мелких камешек, загибающийся ровно посередине залива, был покрыт удивительным песком, что при ходьбе по нему он издавал едва слышный звук. Местные говорили: «Песок шепчет». Он менял цвет в зависимости от неба и скрывал в себе множество сокровищ: и драгоценные ракушки, и дорогие очки нерадивых туристов, и множество крабов, вечно перебегающих дорогу, ступающему по кромке воды. Здесь все было цветное: и лодки и море, столько зеленого и солнца, что дух перехватывает, и кажется, что не жила раньше. Несмотря на то, что к 35 годам она успела закончить два института, сделать карьеру в модном московском банке, купила хорошую по столичным меркам квартиру и новенький джип. Алена все равно чувствовала, что все шло не так. Не было в ее работе души и интереса. Вот бумажки, бюрократия, цифры, какие-то интриги были, а гармонии нет. Да и на личном фронте все не так. До Дениса был Игорь, пред ним Андрей, еще Роман, еще... да она уже и не помнила, на столько это было не важно. Они приходили и уходили, не оставляя после себя ничего, кроме коротких всплеск воспоминаний. Теперь вот кризис. Ее и еще сотни уволили без объяснений. Собравшись в кафе, ее коллеги плакали и нервно теребили сигареты. А ей хотелось кричать от счастья: «Вы что сумасшедшие? Да если бы этого не случилось, я бы

никогда не решилась на побег из этого города! Люди, откройте глаза, перед вами весь мир! Бегите!» Но вместо этого, она сочувственно качала головой, всем своим видом выражая сострадание и понимание. Скажи она, что рада происходящему, как тут же оказалась бы изгоем. Дауншифтинг в ее среде являлся позорным уделом слабаков, а не решительным шагом взрослого и свободного человека.

— Что, новенькая? — услышала она голос за спиной.

Перед ней появилось молодое и упругое тело симпатичной девушки, облаченное в пестрое цветочное сари, и кокосовые бусы. У нее были темные волосы, зеленые глаза и вид чемпионки по гимнастике. Она была веселая, беспечная и молодая, таких в Москве называли подружка на уикенд. Их любили за легкость и наивность. Все это так явно и искренне было написано на очаровательном лице девушки, что Алена немедленно ее полюбила. Она призналась себе сомой, что ее хилое и бледное туловище сильно проигрывает рядом с незнакомкой. Та приветливо улыбалась, наслаждаясь удивленным видом Алены. Как на другом конце планеты, может быть так, что первый встречный оказывается русским? Она теперь не удивится, если даже ходила с ней в одну школу.

— Из Москвы? — спросила она, и не дожидаясь ответа произнесла, — у тебя бирка самолетная на сумке. — А мой в море ушел, — сказала она, видимо о своем друге серфере так, как будто он был рыбак, — Так, я так рада, что тебя встретила. Ну, как там погода?

Алена отметила, что девушка общается с ней, как со старой знакомой, и ничуть не смущена тем фактом, что даже не знает ее имени.

— Отстой, — в том же духе решила продолжить она, — меня Алена зовут, там вроде как февраль, по ночам минус 10. Снег, дождь, ветер и облавы повсюду. В общем: все в по-прежнему.

— Ух ты, вот это гадость. А я Света. Я уже и не верю, что такие места на планете есть. Мне кажется, что повсюду солнце. Недавно пишу подруге: «Чего ты ноешь, возьми бутылочку вина, посмотри на закат, подзарядись». А она мне: «С ума сошла? Ты думаешь, я помню, как закат выглядит?» Ты представляешь? Их там НЕ БЫВАЕТ!

— Я, как раз, очень хорошо представляю, — отметила Алена, морщась при воспоминании о промозглой и грязной зиме. — И давно ты тут?

— Года два. Прилетела отдохнуть с парнем. Бывшем конечно. Ну и осталась. А ты?

— Меня уволили. Парень, бывший конечно, ушел. Вот я и решилась на перемены. Сейчас модно, знаешь?

— Что модно? — не поняла Света.

— Дауншифтинг: бросаешь насиженное местечко и летишь в неизвестность, но чтобы обязательно море, солнце, золотой песок. Преобладание так сказать духовных ценностей над материальными.

— То-то я смотрю, народу поналетело как в пик сезона, и все рыщут по острову, в отелях не сидят, как раньше. Эй, так мы же тут не резиновые, не Москва ведь, — перепугалась Света.

Алена заметила, что девочка, в сущности, была совсем молоденькая, лет на 10 младше, и еще открытая к общению. За пять минут она показала все свои карты: пересказала историю жизненного пути, поделилась личным, и надавала ей, Алене, бывалой драной кошке из большого города, тысячу советов как жить дальше. Давно у нее не было таких знакомств, пожалуй, с института, где все люди сестры и братья, где дух сплоченности и принадлежности к студенческому миру, дает возможность дружить с первым встречным, не углубляясь в детали личности и банковского счета.

Распрощавшись с новой знакомой, которая пообещала познакомить ее с местными обитателями, Алена поднялась в свою комнату. Эта комнатка была неплоха для первой ночи и 13 часового перелета, но ванна ей все-таки понадобится. Она сменила номер на люкс, с огромным шумным вентилятором под соломенной крышей и с кроватью, окутанную воздушной белоснежной сеткой, колышущейся при каждом дуновении ветра. Номер был с ванной, выходящей окнами на океан. Вместо бамбуковой занавески, имелась настоящая

дверь. И даже на окне нашлось, что-то напоминающее задвижку.

Лежа в огромной чаше из бетона, служившей ванной, она рассматривала возвращающихся с серфинга парней. Лиц не различить, но Алена могла поклясться, что они были красивы. Такие великолепные фигуры: широкие плечи и торсы, поделенные на квадраты, ей удавалось видеть только в женских журналах. В Москве, за собой следили лишь мужчины с большими кошельками. Последние годы, все как один, стали худеть и омолаживаться. И уже никого не удивляли мужские имена в записи на мезотерапию и миостимуляцию. Особи с меньшим достатком, продолжали есть котлеты по вечерам, запивая их широко и повсюду рекламируемым пивом. Однако московские мужчины с красивыми торсами были облачены в дорогие костюмы, в большинстве своем, находились в браке и зная свою привлекательность, на фоне остальных ленивцев, не горели желанием, поделиться красотой своих тел с Аленой.

Тут же таких было штук 20, уже раздетых, веселых и готовых к знакомству немедленно, посчитала она. Была и еще простая арифметика: последний раз Алена загорала 2 года назад, в тренажерный не заходила 5 лет, а самой ей стукнуло, далеко за 20, да чего уж там паясничать — за 30. И несмотря на регулярные посещения салонов красоты, новомодные инъекции, обещающие вечную молодость, и еженедельные водорослевые обертывания, чувствовала она себя, честно говоря неуверенно. «Словно на собеседование иду», — причитала она, облачаясь в длинную юбку и футболку. Она вспушила волосы, слегка подкрасилась и вышла к народу.

Среди десятков упругих, снующих повсюду тел, Алена оказалась единственным одетым человеком. Словно в бане, ее обливало потом, туш слиплась на ресницах, а помада вообще потекла по щеке. Никто из сидящих на террасе людей вообще не обратил на Алену никакого внимания. Только Светка подбежала и начала хохотать.

— Ты чего разоделась? Мы тут даже сиськи не прячем, а она туфли одела? Может у тебя одежды нет? — сочувственно спросила она.

Алена вернулась в номер и смыла все атрибуты цивилизации. Потом, поразмыслив, натянула плавки и завернулась в полотенце. Постояв еще чуть-чуть, сунула голову под воду. Получилось легко непринужденно, будто она только что вышла из душа. В конце концов, она же не на банковской корпоративной вечеринке, и слава богу, никому нет до нее вообще никакого дела. Приняв эту мысль, Алена почувствовала себя прекрасно, и второй выход в местное общество оказался не таким уж страшным.

Народ на террасе собрался разношерстный. От озабоченных американских тинэйджеров, до переросших период спаривания рыжих австралийских дяденек. Объединяло их одно: все они были абсолютно свободны от работы, требующей 8 часового присутствия в офисе, и от того у всех без исключения светились глаза и там, где у москвичей находился дежурный оскал и ухмылка, на том месте сияла растянутая до ушей улыбка.

— Знакомьтесь, это Алена, прилетела вчера, из России, — заорала Светка, пытаясь перекрыть веселую болтовню.

— Привет, привет, привет! — посыпалось со всех сторон в сторону Алены. Тут же подкатили несколько охочих до легкой наживы мужичков, потом конопатые старые бритиши, пару парней крепышей из Новой Зеландии, девчонки с короткими стрижками и серьгами где попало из Голландии, вечно целующаяся счастливая пара с Украины, скромный мелкий швейцарец. Люди подходили, знакомились, и продолжали делать свои дела. И это оказалось так просто: через час Алена знала всех, и они вели себя так, будто были знакомы не один год.

Долгий опыт работы в коллективах пригодился как ни когда. Она легко смогла различить людей счастливых, и притворяющихся такими.

Ну, во первых, кризис действительно был: часть обитателей лагеря поселилась тут отнюдь не от любви к кочевому образу жизни. Брокер из Нью-Йорка, был выставлен за дверь 4 месяца назад. С тех пор ему ни удалось найти, ни одной подходящей работы, потому в целях сбережения своих накоплении разумнее было перебраться сюда, чем оставаться

транжирить деньги в городе, который готов был поглощать любые бюджеты. Такая же история с дизайнерами с юга Испании. Рынок недвижимости встал, а оставшиеся клиенты сильно поджали свои сметы, потому и работать смысла временно не стало. Такие люди, как правило, планировали отсидеться на океане, до той поры, пока мир вновь не позовет их в возрождающиеся после кризиса большие города. Кризис для них лишь великолепный повод заняться собой: спортом, выспаться и побездельничать от души.

Далее была следующая категория людей: прожигатели жизни. Симпатичный парень из Лос-Анджелеса никогда ничего не делал. Ему уже давно стукнуло 30, но слово работа как-то не возникало в его мышлении. Он кочевал по странам, используя всевозможные программы скидок, спецпредложений и бонусов и, в конце концов, осел на Бали, где жизнь была расслабленной, простой и главное супер дешевой. Кроме накаченных мышц, будто по учебнику бодибилдинга и большого запаса интересных рассказов о жизни в разных странах, никакого багажа у него не было. В таких милашек можно было даже влюбиться, но только на пару недель, а что делать с ними потом, оставалось вопросом, потому как привязывались они, будто дети, и всю последующую жизнь, после неминуемого разрыва, обвиняли женщину в их несостоявшихся мечтах и рухнувших надеждах. Откровенно говоря, это были просто халявщики, не желающие зарабатывать трудом, и мечтающие о том, чтобы кто-нибудь устроил их жизнь таким образом, чтобы при этом ничего не делать и уж конечно ни за что не отвечать. Они едва сводили концы с концами, при этом всячески демонстрируя свою независимость. На удивление таким людям везло, всегда находился кто-то готовый заплатить за ужин взамен на байки о серфинге и рассказы, о путешествии по Колумбии.

Далее следовали — 50 летние британцы, новозеландцы и австралийцы. Ни для кого не секрет, что самой большой проблемой этих страны было катастрофически малое количество женского населения. Ну а если к тому же мужчина не блистал красотой или деньгами, то ловить на своей родине ему точно было нечего. Здесь же они чувствовали себя королями. Загорелые дяденьки в белоснежных развивающихся на ветру легких рубашках, их под которых проглядывали тугие квадратики накаченных мышц, поначалу сбивали с толку любую девчонку. Но только не Алену, которая сразу просчитала, что ребята все они были недалеким, не добившимися к своим годам никакого успеха, слегка зависимыми от алкоголя бездельниками, шикарно проживающими тут на средства, полученные от сдачи внаем своих апартаментов в Лондоне, Сиднее и Веллингтоне. У каждого из них была симпатичная, преданная как собака, индонезийская подруга жизни, которая в отличие от европейских девушек, много не ела, места почти не занимала, и согласна была на все, лишь бы не жить со своими пятьюдесятью братьями, тетями и дедушками в одной комнате, на обочине дороги.

Четвертая категория жителей лагеря: это молодые влюбленные во все и всех, такие как ее новая знакомая Светка, дети 18–20 лет. Они искренне верили, что любовь повсюду, легко сходились и расходились друг с другом, не переживая неудачи, честно обожали океан, часами целовались и сутками торчали на волнах. Алена по настоящему завидовала им, понимая, что у них еще было время и на то, чтобы построить карьеру, и на то, чтобы выйти замуж, и на то, чтобы найти себя. От таких людей можно было заряжаться оптимизмом и верой в добро, они были светлые и легкие, их мысли приходили и улетучивались с такой скоростью, что Алена сомневалась, помнят ли они имена тех, с кем спят.

Ну и последняя категория: неопределившиеся, к которой она относила и себя. Это, по мнению Алены, были сложные и тяжелые люди. Такие особи приехали на Бали без определенной цели. В большинстве случаев им просто надоела их старая жизнь, и чтобы сдвинуть все с места, привести в порядок мысли и чувства, понять, наконец, кто ты и зачем, эти люди приехали сюда в поисках гармонии и спокойствия. Они хотели остановиться и поменять свою привычную обстановку, обрести новый опыт, подумать о старых отношениях, взвесить все, перегрузиться и установить свои взгляды на жизнь. Цель пребывания их на Бали была абсолютно понятна, а время не определено.

Алена потягивала мохито и наблюдала за людьми. Какими бы не был весь этот народ, но в ближайшее время, все они будут ее новой семьей. Через них она откроет для себя новую

страну, с ее специфическими обычаями и необычной религией. В самолете она читала о хинду. Интересно было то, что среди тысяч островов Индонезии, Бали был единственным островом поддерживающим эту веру и единственным же местом, которое ни разу в жизни не подвергалось никаким нападкам природы, в отличие от соседней мусульманской Явы и Суматры. Алена не верила ни в одну религию на планете, но факты подмечала.

Все у жителей этого острова всегда было хорошо. Они не жаловались на жизнь, не смотря на их печальное материальное положение, всегда были приветливы и уважительны друг с другом, и абсолютно не тщеславны. В отличие от других национальностей, балийцы жили в своем собственном мире, никогда не покидая границ острова, и как думалось Алене, до сих пор верили, что земля стоит на черепахе и трех слонах. Больше всего ее развеселил вопрос таксиста, занимается ли она дайвингом в Москве. Ее ответ, что в Москве нет моря, настолько шокировал балийца, что он продолжал молчать целых пять минут. После чего произнес: «Ну, зато вы можете ходить в горы, заниматься рафтингом на горных реках». Спорить Алена с ним не стала...

Все, что ей предстояло узнать, казалось невероятно интересным и увлекательным. Сегодня был отличный день: она завела столько новых знакомств, сколько в Москве, не смотря на ее работу и активную социальную жизнь, у нее не случилось за последние 5 лет. С половиной из мужчин, она готова была переспать, только лишь по причине, что их тела были божественно красивы. Она уже определилась, что займется йогой, серфингом и фотографией. И от этих впечатлений дня ей было необыкновенно хорошо и спокойно.

Над океаном бушевал закат, небо менялось в палитре красок от нежно розового до пурпурного. На приливе, плескалась в маленьких волнах местная детвора, представляя себя настоящими серфингистами, визжала и пищала от смеха, захлебываясь в наступающей волне. По кромке океана носилась команда мелких босоногих футболистов, часть из них были Месси, а другая половина Рональдо. Смотреть на кучку клонированных футбольных легенд, визжащих в лучах заходящего солнца было невероятно весело.

Все Аленино «братство», как она прозвала обитателей лагеря, вывалило на берег и развалилось на теплом песке, всматриваясь в линию горизонта, с мечтательными взглядами провожая солнце. Через несколько секунд все небо окрасилось в алый цвет, и большой огненный шар провалился по ту сторону океана. Братство ахнуло от восхищения, несмотря на то, что эту картину они наблюдали каждый божий день. Алена представила себя в это же время на главном проспекте Москвы: бесконечная, медленно крадущаяся по пыли и грязи пробка из машин, шарахающая то ли от страха, то ли от унижения, от пролетающих мимо наглых чиновничьих перевозок. За окнами Мерседесов и Поршей, излучающие клубы пафоса — непростые и надменные лица, в авто подешевле — обреченные и печальные. И все они, словно скованные одной цепью, тянутся в сторону своих домов, объединенные одним: никто из них не знает, сколько времени займет дорога через этот ад? Алена была пьяная и счастливая как никогда раньше, только от осознания факта, что она не ТАМ!

Через час черное небо усыпали миллионы сверкающих звезд, а она так и продолжала сидеть на теплом песке, каждой частичкой своего сознания, пытаясь сохранить в себе ощущение вселенского счастья и мира. Позже она спала как ребенок, убаюканная шумом волн, обласканная нежным бризом, улыбаясь во сне впервые за многие, многие, многие годы.

Следующим утром, Алена отправилась за покупками. Юджин, парень из второй категории обитателей лагеря, предчувствуя возможность перекусить за ее счет, вызвался помогать. Алена согласилась, ведь гид поначалу вещь не лишняя. Правда, заранее не предположив, что 30-летний американский детина, возвращенный на фастфуде и генетически измененной еде, может есть за четверых. В последствии она сильно пожалела, что выбрала его, а не маленького француза. «Он был в два раза меньше американца!», — горевала она позже, а этот объел ее как последнюю дуреху. Она купила коврик для занятий йогой, полную сумку фруктов и шикарный букет цветов с волшебным запахом и названием. Юджин выбрал для нее красивую серферскую доску, на которой был изображен прикольный персонаж из японского мультика, по мнению Алены точно отображающий ее теперешнее состояние.

Юджин конечно же предложил ей свои услуги по обучению, но оплатив сегодняшний обед в кафе, в меню которого, он пропустил только графу «мороженое», она вовремя отказалась. Алена не была девушкой жадной, но и глупой тоже не являлась. В жизни она не терпела наглости, обмана и халявы за ее счет.

Вернувшись в лагерь, они нашли братство в процессе приготовления обеда. У рыбаков, что жили за утесом, покупали лобстеры, крабы и рыбу с утреннего улова. Здесь, на Бали, легче было удивить кого-то свеклой, чем морскими деликатесами, цены на которые в Москве, были за пределом человеческого понимания. И пусть даже, при желании, все дары моря, она и могла себе позволить, но есть резиново-замороженное подобие креветкам Алена не хотела. В дорогих отелях на крабах и лобстерах делали огромную прибыль, но здесь в лагере по ценности они приравнивались к картошке, и спустя неделю она уже не могла их видеть.

Все собрались за длинным деревянным столом на гигантских ножках. В тени скалы было прохладно и спокойно. По кругу ходили бутылки с дешевым Австралийским вином и местным пивом, испанцы делали отличную сангрию, а американцы пряный мятный мохито. Звенели пластиковые бокалы, с громким стуком ставились полные зеленого крепкого салатного листа и рукколы чаши, на центре стола появилось огромное блюдо с почти всеми представителями рыб и клешнеобразных, запечных на гриле. Все уплетали за обе щеки и непринужденно болтали.

— Меня тут один дядька австралийский пригласил на вечеринку, а мне чего-то не тянет, пойдешь? — спросила Светка.

— Что за вечеринка? — заинтересовалась Алена, нельзя ведь упустить шанс познакомиться с людьми.

— Да здесь часто такое бывает. Кто-нибудь на вилле собирает народ, накрывает, и зовут всех подряд. Никакого фейсконтроля. Экспатов-то ведь тут навалом, они вроде как, так общаются, чтобы не одичать. Одеться надо, манеры там всякие соблюдать, правда, заканчивается все равно все либо пьянкой, либо от скуки все уходит до десерта. Это как повезет. Я уже тут на 100 виллах была. В принципе, это хороший шанс подцепить кого то. Только халявы тоже больно много. Ты поаккуратнее с мужиками тут, они почти все нищие.

— А люди, вообще не знакомые?

— Ты что? Придешь и познакомишься. Делов то! Все разные: есть и уроды, в смысле козлы. Но бывают и ничего себе. Наташка, так подцепила одного навеселе, а он владелец алмазных приисков из Джакарты оказался. Теперь на своем самолете по миру летает. Но там выбирать надо, как на барахолке, копать повнимательнее. Вот Анька, тоже, закрутилось у них с красавчиком темненьким таким, а он из королевской семьи, из Коломбо. Приехал с друзьями серфингу учиться, такой смазливый, молоденький. Анька-то не знала. У них там любовь-морковь. Все вроде серьезно. Она залетела. Он потащил ее к родителям, в Шри-Ланку. А те даже на порог не пустили. Так и стояла под воротами как нищая с чемоданом. Оказывается, у него жена был еще до рождения выбрана, и сделать ничего нельзя. Позор королевской семье выходит. Анька порыдала и полетела в Питер рожать. Вот не знаю, что с ней сейчас. Потом англичан навалом. Ты их сразу узнаешь: рыжие и все время пьяные. К ним не подходи: потеря времени. Ничего не понятно, говорят на английском — как будто булькают, да и к тому же врут напрапалую. Вроде как у них тут бизнес, вилла, все схвачено. А на самом деле работают за копейки, дом так себе и то в аренду, а скидочных карточек на 3 % тут у всех полный кошелек.

— А как отличить их от австралийцев? — спросила Алена свою наставницу.

— Это проблема, они менее рыжие что ли. Легче всего просто спросить. Хотя разницы между ними, честно говоря, никакой нет. Да, вот еще, американцы. Их тут тоже много. Они хваткие, не то что бритиши. Различишь их по вменяемому английскому. Все предложения простые и понятные, хотя говорят быстро. Они бывают нормальные. В основном деловые и хваткие. Очень сильно хотят заработать, потому крутятся. Вот на них обрати внимание, но смотри на возраст. Если после 30 и все еще ищет чего-то — говори пока ему сразу. Европа,

старый свет, тоже может прокатить. Но к сожалению, они все уже пенсия.

«Вообще-то мне тоже уже давно не 30», — хотела сказать Алена, но решила оставить свой возраст в секрете. Кому-то, как говорится, сорок пенсия, а кому вторая молодость.

— Потом, много залетных и непонятных людей, — продолжала наставлять Светка, — они сами ищут новых контактов. Французы и немцы завсегда на Бали. Но они, как правило, проездом. Это может быть интересный вариант. Так что лови момент. Ну, пойдешь?

— Конечно, пойду, спасибо, — ответила заинтригованная Алена. Хотя она вовсе и не думала устраивать охоту на мужчин. Алена искала общения, новых знакомств, интересных приключений. Ну а с любовью, это уж как повезет...

Таксист, ловко крутился по темным и узким улочкам какой-то деревни. Казалось, что сейчас машина остановится, он повернется к ней и скажет: «Кошелек или жизнь». За окном стояла непроглядная тьма, и не ясно было, где же безопаснее: снаружи или внутри машины. Алена прильнула к стеклу, готовая выскочить в любую секунду. Впереди показались огни. Они становились все ярче и чаще, и в конце концов, такси остановилось на освещенной и полностью забитой другими машинами стоянке. За высоким забором гремела музыка: Бритни Спирс — дух старых дискотек, старалась изо всех сил. Алену встретили в поклоне приветливые балийки, одетые в золотые платья отделанные огромными красными цветами. Узкая дорожка, украшенная миллионом колыхающих на ветру свечей, вела в сторону голубого пятна бассейна, откуда доносился смех и разговоры. На полпути, откуда ни возьмись, появился официант с подносом коктейлей, и с улыбкой протянул Алене бокал. Один она выпила залпом, второй взяла в руки и решительно направилась вперед. Она достала со дна чемодана свое платье от Гучи, на ногах шаловливо звенели застёжки «убойных» босоножек.

Ее плечи, слегка тронутые загаром и уже успевшие выгореть на палящем солнце волосы, сияли красотой и здоровьем. Сама себе она напоминала скорее девушку из клипа Энрике Иглесиса, чем замученного бытовыми проблемами менеджера банка. Алена ступила на освещенную лампами террасу и ахнула. «Как в кино», — пронеслось у нее в голове, — «много, очень много красивых людей, все в белом, все смеются, так бывает?»

Навстречу ей, из толпы выступила немолодая дама в розовом платье, похожая на подружку невесты из американских фильмов.

— Хелло, меня зовут Алена, я русская, — она протянула приглашение.

— Рада познакомиться, — улыбаясь всем ртом протянула мадам, даже не взглянув на конверт, — я Мэрилин. Вам не придется скучать, — добавила она, — сегодня у нас ваши соотечественники, съемочная группа из Москвы. Они тут снимают, какой-то сериал? — загадочно закончила она.

Мэрилин, подвела Алену к сплоченному кругу, сильно надушенных одеколоном людей. Меньше всего ей хотелось сейчас общаться с кем-то из Москвы. Но к счастью, или к сожалению, она была вежливой девушкой, и натянув улыбку, громко произнесла: «Добрый вечер!»

Похоже, что желание не видеть соотечественников было обоюдным, но в отличие от нее, никто из присутствующих в «круге» не потрудился и улыбнуться в ответ.

— Здравсте, — еле-еле пролепетал «Круг». Мэрилин в ожидании радостных эмоций от встречи со «своими», замерла в ожидании. Алена почувствовала себя глупо. Перед ней стояли непрошибаемые лица, которым было совершенно наплевать и на Алену, и на хозяйку вечера, и друг на друга.

Алена попыталась затянуть никому не нужный разговор.

— Как дела, ребята? Как тут оказались? Кем работаете? Бали нравится?

На все ее достаточно вежливые и корректные вопросы она получила следующие ответы:

— Нормально, Да, Нет, Нормально, А что?

Она была в шоке. Алена чувствовала себя так, словно пришла в первый класс новой школы и с ней никто не хочет дружить. Создавалось впечатление, что перед ней стояли не

творческие люди — работники киностудии, а клан наркоторговцев, которые после разговора с ней, должны были ее убить, дабы избежать распространения секретной информации. Никто не потрудился представиться в ответ или хотя бы поинтересоваться ее целью приезда на Бали, никто не вел себя так, как положено людям на вечеринке, никто и не думал проявлять приличие и правила хорошего тона, и было вообще не понятно, зачем они сюда вообще явились...

«Да пошли вы в...», — произнесла Алена про себя и, улыбнувшись Мэрилин, со словами «Найс пипл», — она решительно рванула к грохочущим от смеха пьяным англичанам. «По крайней мере, почувствую себя женщиной, — решила Алена. — Хватит с меня этих пафосных мутных лиц, господи, как же они отличаются от обитателей ее лагеря, от тех, кто живет тут не один месяц, кто оценил запах океана, тепло солнца и блеск звезд».

В мозгу у «круга» Алена смогла без усилий уловить вибрацию зависти, жадности и безысходности. «Скорее всего их сериал будет называться «Менты в отпуске по горячей путевке», — развеселилась она.

— Эй, привет! — Я Марк, это мой друг Люси и Эдди, — услышала Алена, едва успев приблизиться к кучке мужчин в белых развивающихся рубашках. Потом к ним присоединились две подруги из Флориды, пара влюбленных из Сингапура, австралийская бабушка, косящая под Кайли Миног, пару геев из Италии. Разговор лился легко и непринужденно. Говорили обо всем на свете, обсуждали политику, моду и музыку. Ее засыпали вопросами, словно на пресс конференции. Еще никогда она не удосуживалась такого внимания со стороны незнакомых людей, и вовсе не потому, что с ней было скучно и неинтересно, а по тому, что жизнь в большом городе подвергалась законам самовыживания. Много раз, находясь в центре столицы, она ощущала себя всего лишь звеном чего-то огромного и безликого. Она боролась, работала, искала, и никому в целом городе не было до нее никакого дела. Здесь же все крутилось вокруг Алены. Солнце светило для нее и для каждого в отдельности, не прилагая к этому никаких особых усилий, оно заботилось обо всех. В Москве, ты должен был выхватывать его внимание, гоняясь за неуловимыми лучами, то и дело, пытающимися обласкать кого-то другого, но не тебя.

— Ну что, в клуб? — предложил кто-то.

Алена по привычке посмотрела на часы, как будто наутро надо было ехать в душный и прокуренный офис.

— А почему нет? — засмеялась она.

Выстроившись в цепочку машин, они ехали по черной дороге в неизвестном направлении. Народу набралось много. Машины скакали по кочкам деревенских раздолбанных дорог, охватывая яркими фарами куски тропического леса, откуда в ужасе и с удивлением на них глядели испуганные глаза обезьян.

Во втором часу ночи места у парковки ночных клубов Куты не было. Со всех сторон к дверям стекался народ разных национальностей и возрастов. Музыка гремела, уходя в небо, и оставляла за собой в воздухе ритмы и мелодии. Огромной компанией они ввалились в модное, по словам ее новых друзей заведение, и Алена тут же потерялась в толпе полураздетых, разгоряченных,двигающихся в ритме людей. К ней подходили — здоровались, путали ее с кем-то другим, толкали, тянули и зазывали в танец. Надо было признаться, что затея с ночным клубом не была ей по душе. Но так как Алена уже который день вела новую жизнь, в которой на все предложения судьбы, по новым правилам, следовало говорить — Да, то отказаться от поездки она не могла. Последний раз она была в подобном месте примерно десять лет назад, и чувствуя себя переростком на чужом празднике, она мялась в углу, избегая возможности быть вовлеченной в толпу. Однако люди, танцевавшие в то вечер, были такими разными и абсолютно непохожими, и в то же время, всех их объединяло одно: им всем было совершенно наплевать как они могли выглядеть со стороны. Они просто двигались, охваченные звуком темпом, ритмом. Не было тут красавцев, не было виртуозов исполнителей, не было пафоса. Все они просто танцевали как сами того хотели и как умели. И Алена не выдержала: поставив стакан с недопитым мохито, она

ворвалась в центр веселой толпы и ее закомплексованное, замученное хорошими манерами и засиженное в офисах и пробках тело, с благодарностью вертелось и кружилось, сбрасывая с себя, словно старую кожу, остатки той старой городской жизни. Через пару часов она уже и не представляла как могла раньше жить без всего этого счастья, счастья движения и ощущения самой себя живой и настоящей.

Марк и Люси из Лондон, годившиеся ей в отцы, оказались веселыми и заводными, с одним лишь недостатком: перепить их не мог никто. Через пару часов, как и говорила Светка, понять их было совершенно невозможно, к тому же с утра, ни один из них не помнил событий минувшей ночи, потому каждый вечер они начинали якобы заново, но по старому сценарию. Не смотря на все это, они веселились и заряжали энергией всех подряд, искренне и раскрепощено танцевали и раскидывали чаевые. Алене безумно понравилось такое прожигание жизни, уж лучше, чем быть нудным сварливым старикашкой, просиживающим штаны у подъезда. Эти бравые дядечки протащили Алenu по всем клубам ночной Куты, и к ее большому облегчению, в 5 утра они просто заснули на барной стойке. Алена поймала такси, и направилась в свой лагерь.

Рассвет еще не наступил. В небе, по-прежнему сияла белым светом луна. Она включила душ и с блаженством встала под потоки теплой воды. Над головой заходил рассвет. Луна сдавала смену подступающему солнцу. Птицы начали свое пробуждение, заходясь в громких непривычных для русского человека криках. В отличии от скромного чирикания воробьев или гуления голубей, на Бали все животные орали. И не важно было, какого размера птица или обезьяна, каждая особь заявляла о себе диким криком, точно также как и природа. Цветы были огромными и яркими, с сильным запоминающимся запахом, а деревья густые, и пушистые, с насыщенным цветом. Улитки размером с воробья, а ящерицы походили на драконов. Все, как говорили ее друзья росло не из семян, а от брошенных на землю сухих палок. Земля с радостью и благодарностью кормила балийцев фруктами и овощами, по холмам гуляли коровы и куры, принося им пищу, а океан кишил разнообразием рыбы.

— Какая благодать, — произнесла Алена, закутываясь в белое пушистое полотенце, и впервые в жизни по настоящему оценила истинное значение этого слова. За стеной начали открывать душ, встающие на рассвете серферы...

Аленина душа была чиста и свободна. Она легла на влажную подушку и поймала себя на мысли, что находится в состоянии девочки только что закончившей институт. С одной стороны больше никаких экзаменов и обязательств. С другой выбор целой жизни, решение кем и как быть. И это ощущения счастья, свободы и предстоящих перемен пьянило похлеще любо напитка. Через секунду она провалилась в глубокий детский безмятежный сон...

«Ну что начнем!» — на отвратительном английском сказал Том, ее новый знакомый из Франции, взявшийся обучать ее серфингу. Огромная доска выскользнула из рук и больно била по телу. Она вновь и вновь карабкалась на ее поверхность, и не успев простоять там и 2 секунд падала в океан. Ничего не получалось. Тело отвыкло от спорта, плечи безнадежно сторели под палящим солнцем, но Том не унимался. «Я сказал, что поставлю тебя на доску, — орал он сквозь грохот волн, — Вуаля...»

— Я тебя умоляю, пойдём отдохнем, — взмолилась Алена.

Они выбрались на берег и рухнули на горячий песок.

— Слушай, а ты зачем сюда, приехал? — спросила она Тома.

— Да, надоел мне этот Париж, дожди, серость, скука смертная...

Алена сидела, вытаращив на него свои голубые глаза:

— Ты чего, сейчас так шутишь, да? — перебила она его, — где скука, в Париже?

— А..., — протянул Том, — ты наверное из тех, кто начитался романтической ерунды про этот город, и насмотрелся всяких там любовных историй по телеку. Могу тебя разочаровать — это город, большой муравейник с кучей черных иммигрантов, тупых туристов вроде тебя, бедных студентов и деревенских лохов из Альзаса... Там ненормальные цены и пробки, и к тому же собачий холод и говно на тротуарах повсюду!

— Ну ты даешь, — выдохнула Алена, так мне Париж еще никто не описывал.

— Значит ты там не была, или была, но не жила, или была влюблена и ничего не видела, — заключил Том, — Я покажу тебе Париж своими глазами, если хочешь?

— Нет спасибо, — запротестовала Алена, лучше останусь тупым туристом. Хватит с меня разочарований. Больше всего на свете я не хочу потерять веру. Я люблю Париж потому, что я там не была, мне нравишься ты по тому что я с тобой не спала и пусть все так и останется. Я бы очень не хотела разочароваться в тебе — сказала Алена заглянув его глаза, — Ну что продолжим?

— Я постараюсь этого не делать, — улыбнулся Том и погладил ее по мокрым волосам так нежно, что у Алены перехватило дыхание...

Он был милый. Опасно милый. Ей как никогда хотелось нежности, и Том всем своим видом демонстрировал ее во всех проявлениях. Эти мягкие взгляды, галантные выходки и нечаянные прикосновения стали понемногу действовать не нее возбуждающе. Том не торопил ее, не требовал ответа, не настаивал, тем самым зарождая в ней тихий интерес и желание продолжить их тренировки. И, несмотря на то, что желающих поставить Алену на доску было много, она выбрала его. И это с ним они часами пропадали на волнах, а потом попивали холодное местное пиво, нежась на теплом песке. Это с ним она по какой-то случайности каждое утро встречалась за завтраками., и с ним каждый божий вечер сидела рядом у костра, едва касаясь друг друга коленями.

Они подхватили свои серфы, и перепрыгивая через кучерявые гребешки прибрежных волн, стали продвигаться на глубину. Волна там была сильная и долгая, она держала и не таких как Алена, и глядя на толстяка килограмм так на сто, сомнений в том, что встать на доску может каждый не оставалось. Алена падала и падала, заглатывая литры соленой океанской воды, ее голова не раз прочесала морское дно, безжалостно болело все тело, но спустя час она сделала свой первый уверенный прыжок на доску, и проехав всего несколько метров на гребне почти двухметровой волны, выползла на берег переполненная счастьем, радостью и смехом.

Том довольный опустил рядом. Он смотрел на Алену как-то странно, но она сделала вид, что не заметила, его взгляда. С каждым днем его ухаживания становились все настойчивее и откровеннее. Она хорошо знала это взгляд и не спутала бы его ни с чем другим: иногда он пугал ее, иногда превозносил до небес, иногда разочаровывал... Но он еще никогда не был ответным. Итак, Том увлекся ею, и она совершенно не знала что с этим делать, и нужно ли ей это сейчас. Вытирая волосы полотенцем, она лихорадочно пыталась придумать ответ на неизбежный вопрос Тома: Что мы будем делать сегодня вечером?

С одной стороны это, в общем-то, именно то, зачем она сюда и приехала: повеселиться, сменить обстановку, найти новых людей. Но с другой стороны она не хотела кидаться на кого-то на следующий же день, и планировала сначала осмотреться и познакомиться со всеми, прежде чем завязать какие-то отношения и привязаться к конкретному человеку. Ей нужно время, просто нужно время, может и Том, а может и нет. Кто знает?

— Ну и наглоталась я воды, пойду отдохну, — решила она начать разговор первой, — сил совсем нет, наверное просплю до самого утра. Сейчас как завалюсь, — мечтательно произнесла Алена, сладко зевая.

Разочарованный Том, подхватив доски, уныло поплелся в лагерь, где опять накрывались столы, уже пылал гигантский костер, кто-то брэнчал на гитаре, кто-то спал в гамаках, кто-то сидел уставившись на звезды, но все, без исключения все были счастливы. И спать в такой вечер, как впрочем, и во все остальные было бы преступление, совершать которое Алена не хотела.

«Ладно помоюсь и придумаю что-нибудь», — решила она.

В ванной, окруженной бамбуковой стеной с одной стороны, и огромными листьями пальмовых кустов, с другой, освещения не было. Сначала это ее немало удивило, но позже Алена поняла, что свет совершенно не нужен. Днем светило солнце, а ночью луна. Она была такой яркой и свисала так низко над землей, что даже в тот период когда от нее оставался

лишь тоненький обводочек месяца, можно было без проблем рассматривать себя в зеркало. Ночь сменял рассвет, вечерний закат день, потом показывалась луна, и так день за днем, освещая самую прекрасную ванную комнату на свете. Струи горячей воды, нагретой палящим солнцем стекали по загорелому телу Алены, звук бьющейся о берег волны, не пугал как первый день приезда, а наоборот радовал, по небу пролетела звезда, оставляя за собой длинный белый след, и Алена заплакала от счастья. Она была молодая, красивая и свободная. Перед ней опять, будто в 16 лет, была целая жизнь и ей предстояла выбрать: какой она будет. Она не знала, что ждет ее там за стеной, она не строила никаких планов, не вспоминала прошлые шаги, ошибки, связи. Она только знала, то все будет очень хорошо, и как хорошо зависело от ее выбора. Ведь жизнь на самом деле это огромный каталог, и ты можешь выбирать ту жизнь, которая подойдет только тебе. А если вдруг ты ошибешься, то всегда можешь открыть этот каталог и заказать опять новую жизнь. Это от нас зависит — что мы выбираем. Это от нас зависит — хотим ли мы изменить заказ или будем мучиться с тем, что нам не подошло. Она была счастлива, что сумела перелистнуть страницы и выбрать новое, что не испугалась ни своего возраста, ни страшных историй, что перерезал веревки, к концам которых были привязаны сомнительные отношения с Денисом, стабильная, но ужасно скучная работа, уютная, но расположенная в мрачном городе квартира. «Счастье, счастье», — повторяла она сквозь слезы, — «какое счастье...» В последствии это будет то самое слово которое, находясь на Бали, Алена повторяла по сотни раз в день, то самое слово, которое никогда не приходило к ней в голову ни каком другом месте на планете так часто и так искренне.

За столом Том бросал на нее томные взгляды. «Том с томным взглядом» — подумала Алена и засмеялась. А почему нет, он ей нравился: красивая фигура, обаятельное лицо, он мил в общении, образован и к тому же француз — из Парижа, а не из какой-нибудь провансальской деревушки... Но с другой стороны, если начать отношения сейчас, а впоследствии они не завяжутся, то не прослывет ли она ветреной девчонкой, готовой «дружить» со всеми подряд? Ну а если и так, то ведь это ее, и только ее дело. Она не в Москве, она не обязана отчитываться ни перед босом, ни перед родителями, и в конце концов надо уже делать то, что хочется делать самой. Том казался ей трогательным и нежным французом. Конечно, в жизни Алены были и другие мужчины, но он был другим: романтичным, заботливым, немного напоминающим ей скорее брата, чем любовника. Он прочитался книг о любви и умело применял тактику соблазна в реальной жизни. Смеялся Том не громко, а лишь улыбался кошачьей улыбкой себе под нос, из под челки бросая в сторону Алены заинтересованный взгляд. Во всем его облике была искренняя доброта и дружелюбие, что привлекало всех женщин без исключения и обеспечивало ему неиссякаемое внимание. Помимо физической красоты он обладал невероятным внутренним притяжением, так импонирующим всем кто с ним когда либо общался. Он был мягким, светлым и сексуальным.

После ужина лобстерами, красным снепером, креветками, обильно запиваемых белым австралийским вином, под шум волн Индийского океана — может случиться всякое. И оно случилось...

Они шли по берегу, по широкой дорожке из горячего песка, время от времени заходя по колено в воду, чтобы рассмотреть убежавшего из под ног краба, и болтали. Закат подходил к концу, и небо взорвалось от обилия красок. В такие минуты думается, что ты вечен, что есть душа, и ты начинаешь верить в реинкарнацию и прочие спиритические вещи... Потом Том затеял веселую возню, они брызгались и визжали как дети. Одна мысль терзала Алену — она слишком сильно не верила в любовь, принимая во внимание ее возраст и все те отношения, которые имели место в ее жизни, все то, что люди называли любовью, для нее сейчас было пустым звуком. Она безоговорочно верила в страсть, в увлеченность, в привычку, и в привязанность, но только не в любовь, потому как, что значит это слово — она на самом деле не знала. И тем не менее все происходящее в тот момент было так прекрасно и романтично, что когда Том наклонился к ней, она не отпрянула. Вспомнились последние недели

проведенная на Бали, полные рассветов и закатов, нечаянных прикосновений, откровенных бесед, и Алена приняла его поцелуй, полный страсти, с привкусом океана и тропического лета. Он нежно целовал ее. И в эту минуту она любила его, не было ни угрызений совести, ни сомнений, только жадное желание поглотить друг друга.

— Ты самая красивая женщина из всех, кого я знаю, — прошептал он, и Алена провалилась в горячий, радостный рай. Под шум океана, испытывая блаженство, взлеты, ощущая горячий песок и сильные руки, она потерялась во времени, не заметив первой полоски начинающегося дня.

Рассвет застал их на пляже. Алена открыла глаза и медленно осознала, что... она натворила. Том спал с улыбкой на лице, ее голова лежала на его руке, волосы спутались, разбухшие губы болели от поцелуев и соленой воды океана. Она в ужасе поднялась на ноги и единственное, что ей хотелось в тот момент — это плакать. Как могла она так бездумно начать новую жизнь, зачем для этого нужно было ехать за тысячи километров от своего дома, как посмотрит она теперь в глаза своему «братству» и самое главное, что делать с Томом? Горькие слезы покрыли ее лицо, она всхлипывала как малыш, плечи ее тряслись от неровного дыхания... Как могла она так быстро сойтись с совершенно незнакомым ей парнем, который всего несколько дней обучал ее вставать на доску? Ну романтика, закаты-рассветы, ну красивые мускулистые тела серфингистов, ну вино, ну... Вдруг она почувствовала теплые руки Тома. Он обхватил ее сзади и прошептал:

— Все будет хорошо... я...

Алена не дослушав, вырвалась из его объятий и рванула в лагерь. Она бежала по пляжу, не замечая ни золотого рассвета, ни белого облака, присевшего на краешке кратера вулкана, ни криков Тома. Уличные собаки, увязавшиеся за ней затеяли веселую драку, думая, что утренняя пробежка Алены это игра.

По шатающимся ступенькам «теремка» она взлетела в свою комнату и хлопнув дверь, если так можно было назвать сооружение из бамбуковых палок, упала на кровать. Том умолял открыть, пытаясь сломать сухие тростниковые палки, от треска которых стоял невыносимый шум. Из соседних комнат послышались недовольные крики...

— Я тебя умоляю, поговорим потом, — прошептала Алена в замочную скважину и включила горячий душ.

«А что в общем-то случилось», — спрашивала она себя стоя под горячей струей. В конце концов ей и правда не 16, она свободная, она тут никому ничего не обещала, она может делать все, что ей вздумается и получать от этого удовольствие. А удовольствия этой ночью она получила море. Не за этим ли она приехала? Да наверное в Москве, стоило бы сделать из этого трагедию: ах я его совсем не знаю, что подумают обо мне друзья, соседи, коллеги, родители и так далее по списку, а не залетела ли я, и как мне смотреть в его глаза и позвонит ли мне он еще раз? Только теперь она была на Бали. На острове, где слово счастье слетает с уст каждые пять минут, где свобода не ограничивается возможностью вырваться из проклятой пробки, а просто присутствует в каждой клеточке тела, где радость в каждом вздохе и где никому нет ни до кого, ну совершенно никакого дела.

Она вдруг осознала, что повела себя как провинциальная дура, которая поцеловалась в первый раз и потом побежала в аптеку за тестом на беременность. А ведь могла бы продлить эти минуты блаженства и счастья, в которых купалась всю ночь. Господи, в какую ничтожность превратила ее существование в городе: все время нужно было чего-то бояться, перед кем-то отчитываться, ждать осуждений. Какое счастье, что она вырвалась, нашла в себе силы и храбрость, а главное желание быть счастливой. Нет — просто быть! Разрешить себе быть такой, какая ты есть.

Она поспешила вернуться к воспоминаниям о прошедшей ночи, и постепенно к ней стало возвращаться ощущение блаженства. Алена вспомнила нежные руки, ласковые слова, всю ту заботу, которой окружил ее Том, и ей вдруг нестерпимо захотелось с ним увидеться. Она завернулась в яркое сари, и ни на секунду не заботясь о том, как она выглядит, распахнула дверь.

Том сидел на ступеньке, он молча поднялся, взял ее за руку и завел обратно в комнату. И все началось заново...

Они проспали до обеда, потом вместе поплескались под горячим душем, и осознав насколько они голодные, решили немедленно ехать в Куту.

Кута было замечательное место: шумное, веселое, дружелюбное, застроенное сотнями ресторанов на любой вкус и кошелек. Там все время текла жизнь: ночью перемещались толпы с одного клуба в другой, утром все те же, завтракали на открытых террасах, на поздний завтрак к ним присоединялись серферы, поймавшие утренний прилив, а в обед Кута была забита туристами, выбравшимися из своих звездочных отелей.

Алена выбрала уютный ресторанчик с забавным названием «Слухи». Они заказали половину меню, ели руками из тарелок друг друга, пили дешевое балийское пиво, и Алена чувствовала себя самой счастливой на планете.

В просвете двери показалась знакомая атлетическая фигура Юджина. Он повернулся в сторону, и за его спиной они увидели хрупкую девушку. Она была очень симпатичная, красиво сложенная фигура и длинные вьющиеся волосы. Увидев их, Юджин замахал руками.

— Привет, это Даша. Она с Украины.

Даша приехала на Бали пол года назад по туристической путевке и решила тут остаться. Просто не пришла на самолет и все. Виза в ее паспорте давно истекла, в кармане на тот момент было всего 300 долларов, но как она сама призналась, ничто не пугало ее так сильно, как возвращение на родину. Спустя месяцы, на очередной вечеринке она познакомилась с менеджером отеля, который пригласил ее на работу. Она должна была улаживать проблемы с русским туристами, ежесекундно возникающие в любой гостинице. Русские требовали сварить им борщ в 3 часа ночи, расписку, что в океане нет акул, удочки чтобы ловить рыбу в декоративных пудиках парка, записи Алены Апиной или группы Любэ, и еще всякую другую ерунду, назвать которую можно было одним только словом — бред.

Даша была девчонкой пробивной, задиристой, привыкшая на Украине ко всем сумасшествиям правительства и народа, так что справлялась с работой легко и весело, чем заслужила неслыханное одобрение руководства отеля. Даша работала за ночлег и еду. Она пробила для себя все блага 5 пятизвездочной гостиницы от отдельного номера — до питания по меню мишленовского ресторана. И жизнь ее была счастливая и безмятежная до тех пор, пока в ней не появился Юджин.

Они столкнулись досками на волне, и выбравшись на берег, завели знакомство, которое в течение нескольких дней превратилось в отношения.

«Значит я тут, по крайней мере, не одна такая, кто через пару дней заводит себе любовника», — с облегчением подумала Алена, — «а ведь всего несколько недель назад Юджин кадрил ее в соседнем ресторане».

В разговоре Алена выяснила, что Даше было 34 года. Тот возраст, когда согласно повсеместно принятому мнению, женихов уже не выбирают, и радуются любому. Юджин был на 7 лет младше ее и в два раза больше, но это никого не смущало. Даша была красивая, веселая, легкая на подъем и согласная на все. Она «спрятала» его у себя в номере отеля и кормила его блюдами со шведского стола. Менеджмент отеля был ошарашен бешено разыгравшимся аппетитом хрупкой девушки, которая стала заказывать еду в номер по 4 раз в день, в невероятном для нее количестве. Они с Юджином образовали великолепный союз, который Алена прозвала — халява. Оба были в восторге от идей где-нибудь пожить, повеселиться и переночевать, разумеется, за чужой счет. Сначала все это было забавно, но спустя недели начинало бесить и постоянно возникающая в голове мысль «Почему я должна за них платить?», не давала покоя. Когда принесли счет Алена демонстративно положила на стол свои 15 долларов, ту сумму на которую она наела и вышла в дамскую комнату. Все номера Юджина, с типа забытым кошельком или заблокированной кредиткой, она уже знала назубок.

Выйдя из ресторана, они тут же наткнулись на Марка и Люси, которые уже успев разогреться аперитивом в местном баре под названием Ливинг Рум, отправлялись на

очередную дискотеку. Они немного поболтали, почти уже договорившись идти туда вместе, но Алене вовремя удалось шепнуть Тому на ухо, что у нее нет желания проводить ночь в окружении пьяных и старых англичан. Распрощавшись, решили навеститься в Скай Бар, самый веселый и радушный ночной клуб Куты. «Халява» увязалась за ними.

Ни в одном клубе на Бали не было никакого фэйсконтроля и подобного паясничества, и они легко пробрались через три этажа на крышу клуба, откуда открывался волшебный вид на океан с лунной дорожкой, и то и дело в небе над головой пролетали идущие на посадку самолеты. От музыки стоял невероятный грохот, сегодня играл диджей из Парижского Костеса. Том убежал здороваться с друзьями, оставив Алenu со стаканом мохито, рядом с небольшой кучкой норвежских ребят. Спустя пару минут, она уже знала все их имена, их цель пребывания на Бали, семейное положение и планы на будущее. Ей вспомнились непростые лица русских, повстречавшихся на вечеринке в Чангу и она, в очередной раз ощутила прилив невероятного счастья от того, что она приехала на этот замечательный остров и покинула свой «цивилизованный» московский мир. Кто бы мог подумать, что в 30 лет она начнет ходить по дискотекам?

Том утянул ее в толпу, их разгоряченные тела соприкоснуться и бешеная энергия любви и радости вылетела наружу. Не было ничего, только движение, смех, страсть, обжигающие поцелуи и ледяной мохито. Следующий рассвет они опять встретили на пляже. «Еще чуть чуть, и я превращусь в бомжа, ночуя на теплом песочке под пальмой», — с улыбкой на лице подумала Алена.

Потом были долгие недели бесконечного счастья, наслаждений, улыбок, нежности и забвения. Она не понимала, и не хотела понимать как летит время, она просто жила и была счастлива. Том на самом деле влюбился, и то чувство, которое Алена поначалу приняла за вожделение, оказалось более глубоким и искренним. Он заботился о ней как брат, любил как Казанова, преклонялся как Ромео.

Они спускались на лодке по пенящейся горной реке Аюнг, останавливаясь под водопадами, где подолгу целовались и игрались в воде, приводя в смущение проводника. Том снял маленькую хижину в самом сердце настоящих тропических джунглей в глубине острова. Там не было ни воды, ни света. Они зажигали сотни свечей и купались в реке. Под бешеные крики огромных попугаев и диких обезьян, рассказывали друг другу страшные истории, приводящие обоих в жуткий ужас. Они могли просидеть в домике, расположенном в корнях столетнего мангового дерева, не выходя оттуда сутками. Деревенская женщина по имени Кетут приносила им душистый рис, теплую мягкую курицу и сочную папаю. Спустя пару дней они приручили пару обезьян, и сев вчетвером напротив друг друга, угощали их бананами. Еще немного, и Алена могла бы понимать их язык.

Потом загрузив рюкзаки провизией, на рассвете они поднимались на кратер вулкана, и ощущая его живое дыхание, кричали в теплую пустоту «Я люблю тебя...»!

И не было страшно: никаких забот и предрассудков: ни ядовитые змеи ломающие палки сухого бамбука, ни все еще обитающие в джунглях племена людоедов, ни булькающая лава вулкана и дрожащая под ногами земля, ничего не ощущали они кроме счастья...

Однажды, проснувшись раньше Тома, она стала его разглядывать. Он спал, прищурившись, в уголке его тонких губ застыла улыбка, раскрытая ладонь свисала над краем кровати. Он был очень красивый. Красивая фигура, лицо, кожа, даже его мысли были красивые. Алене захотелось, чтобы он немедленно проснулся, и прошептав что-нибудь на французском, обнял ее. Вдруг она подумала, что до нее у него конечно же были другие женщины, и обжигающее, новое для нее чувство ревности больно укололо в самое сердце. Ее память раскрывала пред ней события последних дней, наполненные страстными ночами, танцами до рассвета, нежными объятиями, она видела и ощущала их переплетенные тела, слышала слова любви, слетавшие с их губ. Поначалу Алена противилась и не хотела слепо следовать захватившим ее чувствам, но потом внутри нее появилось какое-то осознание, что она, наконец, нашла ту самую вторую половинку, в поисках которой проходит целая жизнь.

Она верила и не верила в любовь, хотела ее и боялась принять. Она думала, что такое случается раз в жизни, и не может быть ничего чище и светлее этих отношений, но кто сказал, что это тот самый миг?

Возможно это страсть, увлечение, азарт, животный инстинкт, свобода, наконец. Но тогда в таком случае, как оказалось так, что они вместе? Том часто брал ее за руку, заглядывал в глаза и задавал ей один и тот же вопрос: — Ты понимаешь, что могли бы никогда, никогда не встретиться????

И от этой мысли их вместе накрывало волной страха. Как могла она раньше любить кого-то, но не его? «Я бы даже хотела родить от него ребенка», — подумала она и тут же испугалась своих банальных мыслей. Она наклонилась над ним и стала целовать его в щеку, лицо, в плечо, улыбалась и шептала: «Я кажется тебя нашла». И это мерзкое слово кажется, опять не давало ей долгожданного уверенного покоя.

Однажды, старый рыбак пригласил их с собой на соседний остров Ломбок. Отплывали ночью, океан разыгрался, и огромные волны заплескивали на борт, еле — еле держащейся на плаву лодки. Было по-настоящему опасно и интересно. Для смелости они выпили арака, отвратительной балийской водки, и закусили какой-то гадостью. Как выяснилось позже, это были галлюциногенные грибы, которые жители Ломбока употребляют запросто, как мы жвачку. Алена беспричинно прохохотала два дня подряд, решительно ничего не помня о посещении острова, но следующие недели, ощущая боль в области живота, причиненную безостановочным смехом. Ее жизнь превратилась в не кончающееся счастливое приключение! Полное безумие и бесконечную радость!

Она все чаще и чаще ловила себя на мысли, что сидя на коленях, практически совсем голая, всматриваясь в огненный шар заходящего солнца, впиваясь зубами в мягкий душистый плод папаи, она ощущала себя самым счастливым человеком на планете, при этом ясно осознавая, что впереди у нее нет никаких определенных целей и перспектив. Рядом с ней сидел точно такой же как и она сама обнаженный Том, с полным отсутствием идей и планов на будущее, и несмотря на это, чувство радости и внутреннего благополучия накрывало ее ритмичными волнами, порождая в ней веру во что-то сверх естественное, веру в вселенную, в высший разум, в бога наконец.

По вечерам они сидели обнявшись в окружении своего братства, прислушиваясь к треску огромных полений, выловленных на приливе. Соседний остров Суматру, постоянно накрывали цунами и землетрясения, но на Бали об этом узнавали только от прилетевших туристов. Новостями тут никто не интересовался. И когда, вдруг, Алена поняла что прошло пол года, удивлению ее не было предела.

Тем не менее, жизнь лагеря потихоньку менялась, приезжали новые люди, уходили или возвращались старые лица. Юджин и Даша укатили в Америку, где сыграли свадьбу на деньги родственников, и поселились в квартирке, оплаченной родителями американца. Позже Алена узнала, что Даша получив американский паспорт, нашла себе жениха побогаче, как минимум в два раза постарше, и благополучно переехала в дом на голливудских холмах. А Юджин..., он так и продолжал жить с родителями, подкармливаемый любимой мамой и бабушкой. От горя он начал писать сценарии про несчастную любовь, которые нигде и никому не были интересны.

Светка, главная заводила и весельчак в братстве, еще влюбилась и разочаровываясь, раз пять как минимум и на сегодняшний момент, прибывала в статусе невесты сына новозеландского винодела: парня очень красивого и состоятельного. На нем бы ей и остановиться, но знать надо было Светку, в ее голове крутилось столько свободы и простоты бытия, что Алена ни капли не сомневалась, что будут еще женихи и помолвки.

Кто-то побыв в лагере месяцы, собирал свои вещи и возвращался в Европу, кто-то выходил замуж или женился и начинал свое путешествие по свету, кто-то продолжал поиски себя и смысла жизни, но все без исключения любили Бали. Это место, где побывав однажды, будешь помнить о нем вечно. И не важно, что тебя покусали уличные собаки или голодные комары, неважно, что отравившись ты пролежал несколько дней в больнице в 20-местной

палате, или что ребром серферской доски тебе рассекло голову. Неважно ничего потом, ведь по каким-то неведанным законам, в памяти остается, только картинка рассветов и закатов, шум океана, запахи франджапуна и садаммаланга, теплые нежные руки балийских массажисток, и ощущение свободы и молодости.

Мало по малом, провожая очередного постояльца братства в аэропорт, Алена начала задумываться и над своей жизнью. Это конечно здорово быть вечно молодой и пьяной, жить по образу и подобию хиппи, ночевать на пляже, укрывшись полотенцем... Но как это не банально, время идет, ей исполнилось 35. И пусть это был самый лучший день рождения всей жизни, полный радости, искренних друзей, подарков в виде пойманных со дна ракушек и новой доски для серфа, тем не менее, она стала старше еще на один год. И остановить этот процесс было невозможно.

Том все также был нежен и влюблен в нее, как и пол год назад. Но мерзкий, отвратительный вопрос: А что же дальше? — уже начинал время от времени мучать Алену.

По ночам он говорил с ней на французском, который она решительно ничего не понимала, но слушала затаив дыхание. Английский стал ее родной язык, до такой степени, что даже сны у нее тоже шли на английском. Смешение русской, привычной ей одной культуры, английской интернациональной дружбы и общения, французского слога, который виделся ей исключительно как язык любви: все это делало жизнь Алены такой яркой и романтической. Ночи на Бали были теплые, простыни белые и влажные, океан ласкал, питал, заряжал счастьем и энергией.

Они, взявшись за руки, лежали в намятых простынях, и Том рассказывал ей о том как им будет хорошо вместе, как они поженятся, он покажет ей Францию, откроет для нее Европу.

Она уже видела себя мчащейся в машине по дорогам Лазурного берега, прижимая к себе сумочку, в которой лежал французский паспорт. В конце концов, их дети смогут получить великолепное образование, и она по настоящему узнает что значит жить в европейском цивилизованном обществе.

В мечтах проходила неделя за неделей. Тому нужно было возвращаться в Европу чтобы закончить последний курс института. Решение было принято, они возвращались во Францию, но не в Париж, как было запланировано в начале, а в Ниццу, по той простой причине, что оба решили; без моря им теперь не жить. Конечно французская Ривьера даже при взгляде на самую красивую картинку в туристическом каталоге, совершенно не была похожа на Индийский океан. Но, по крайней мере, там были волны, ветер, соленая вода, скалы, утесы, а значит и была жизнь для них обоих.

Том улетал раньше, чтобы подготовить бумаги для перевода в университет Ниццы и приглашение для Алены. Она с грустью смотрела как он кидает в чемодан нехитрые пожитки в виде кучи плавок, стопки книг и сувениров для друзей. С одной стороны, было очень интересно начать новую жизнь, в такой прекрасной стране как Франция, но с другой стороны...

Алена не могла представить себе необходимость каждый день одевать какую-то одежду, садиться за руль и куда-то ехать, к тому же учить этот язык, который состоит исключительно из исключений из правил, и произнести эти звуки можно только выбив у себя несколько зубов. Возможно, придется даже краситься? Макияж? От этой мысли ее слегка передернуло. Алена не пользовалась косметикой больше чем полгода, и чувствовала, что выглядит молодо и естественно. Она вспомнила как впервые, появившись в братстве, нанесла на себя вечерний макияж, и если бы не вовремя перехватившая ее Светка, слыть ей полной дурой.

Ей казалось она по-настоящему полюбила Тома, и понимая важность для него процесса обучения в ординатуре, также осознавая, что полученное им образование принесет материальное благополучие в их совместную жизнь, она решительно отмела от себя все грустные мысли о предстоящем расставании с Бали, утешив себя тем, что сюда можно вернуться всегда, а вот приглашения пожить во Франции, она может уже и не получить.